

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и музеелогии

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных трудов

ВЫПУСК 6

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2011

УДК 902(08)
ББК 63.4я43
Т338

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **В.В. Горбунов**;
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук **Н.Н. Крадин**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадалов**;
доктор исторических наук **А.А. Тишкин** (отв. ред.);
доктор исторических наук **А.В. Харинский**;
доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**

Т338 **Теория и практика археологических исследований** : сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Вып. 6. – 212 с.: ил.; цв. вкл.

ISBN 978-5-7904-1196-0

В очередном выпуске сборника научных трудов кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ представлены актуальные, дискуссионные и информационные статьи, в которых отражены различные аспекты изучения археологических материалов.

Издание рассчитано на исследователей, занимающихся теоретическими, методическими и практическими проблемами археологии.

УДК 902(08)
ББК 63.4я43

Сборник научных трудов подготовлен при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проекты «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья», шифр 2010-1.2.1-300-028-022; «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности», шифр 2009-1.1-301-072-016) и в рамках реализации научно-исследовательской работы кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ по теме «Изучение этногенетического и социокультурного развития древних и средневековых народов Алтая»

ISBN 978-5-7904-1196-0

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2011

- Кузьмина Е.Е. Индоарии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 556 с.
- Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. С. 65–84.
- Матющенко В.И. Нож из могильника у дер. Ростовка // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 103–105.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. II: Самульская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 139 с. (Из истории Сибири. Вып. 10).
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 132 с.
- Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 528 с.
- Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 166 с.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 381 с.
- Новоженков В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: Аргументы и факты Казахстана, 1994. 265 с.
- Паульс Е.Д. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 123–127.
- Пяткин Б.Н. Пвозка – колесница – «скифский Арес» (трансформация семантики мотива) // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово: КемГУ, 1987. Ч. 1. С. 125–127.
- Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 202–212.
- Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад» (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.
- Черемисин Д.В. Проблемы изучения наскальных изображений колесниц (по материалам петроглифов Алтая) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 261–274.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 319 с.
- Jacobson-Tepfer E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest Haut Tsagaan Gol // Repertoire des Petroglyphes D'Asie Centrale. Paris, 2006. Tome V, fasc. 7.
- Studzitskaya S.V., Kuzminykh S.V. The Galich Treasure as set of Shaman articles // Fennoscandic archaeologica. 2002. XIX. S. 13–35.
- Tallgren A.M. The Copper Idols from Galich and Their Relatives // Studia Orientalia. Helsinki. 1925. №1.

А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

**ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ ПАМЯТНИКОВ
КЫЗЫЛ-ТАШСКОГО ЭТАПА ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации***

Средневековые памятники Алтая уже изучаются довольно длительное время. В результате зафиксировано значительное количество разновременных археологических комплексов [Тишкин, 2007, с. 185–234, 286–288]. Лишь во 2-й половине XX в. материалы, полученные при обследованиях и раскопках, позволили исследователям

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

детально решать проблемы культурно-хронологического определения выявленных объектов на основе имевшегося тогда практического и теоретического опыта [Гаврилова, 1965; Савинов, 1984; и др.]. Дальнейшее накопление археологических источников обозначило необходимость продолжения такой деятельности. С целью всесторонней характеристики и создания более полной картины этнокультурного развития Алтая в эпоху средневековья стала детально разрабатываться современная схема изучения истории средневековых кочевников Алтая. Сначала она была кратко опубликована [Тишкин, Горбунов, 2002; Горбунов, Тишкин, 2003], а затем последовательно дано ее развернутое наполнение в серии публикаций, в том числе монографического плана [Горбунов, 2003, 2006; Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, 2007, 2009]. Основой проделанной работы стала систематизация и типология инвентаря из погребальных комплексов, содержавших наиболее массовый и представительный материал [Тишкин, Горбунов, 2002]. Реализованный подход оказался довольно эффективным при демонстрации целостной картины поэтапного развития культур не только в рамках эпохи средневековья [Тишкин, 2006; 2007]. Следует указать, что развернутая публикация обозначенной концепции продолжается. Один из результатов этой работы – данная статья.

Наиболее актуальной проблемой раннесредневековой археологии уже давно стал комплекс вопросов, связанных с определением компонентов, времени и места сложения тюркской археологической культуры, носители которой стали основателями крупнейшей кочевой империи 2-й половины I тыс. н.э. Опыт реконструкции начальных этапов истории данной общности осуществлен целым рядом исследователей. Большинство специалистов пока поддерживает концепция С.Г. Кляшторного [1965, с. 281], выделившего в ранней истории тюрков два периода: ганьсунско-гаочанский и алтайский. К настоящему времени археологическими материалами обеспечен лишь второй. Отечественными исследователями предлагались различные варианты интерпретации памятников Алтая, относящихся к середине I тыс. н.э. Анализ материалов, накопленных к началу XXI в., позволил выделить ранний период тюркской культуры [Горбунов, Тишкин, 2002а–б; 2003; Тишкин, Горбунов, 2002]. Он был обозначен как *кызыл-ташский этап* и датирован 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э. Данная точка зрения нашла отражение в монографиях [Горбунов, 2003, 2006; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 145, 161; Тишкин, 2007, с. 193–194] и докторских диссертациях авторов концепции [Тишкин, 2006, с. 33–34; Горбунов, 2006, с. 9]. В настоящее время актуальным является характеристика особенностей существования культуры тюрков на раннем этапе ее развития. В предлагаемой статье представлен результат рассмотрения предметного комплекса из памятников 2-й половины V – 1-й половины VI в., отражающий специфику процессов, которые происходили на Алтае в то время и оказали серьезное влияние на историю народов сопредельных территорий.

Итоги изучения материальной культуры раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского нагорья представлены в многочисленных научных статьях, разделах монографий и отдельных книгах [Гаврилова, 1965, с. 79–98; Худяков, 1986, с. 137–168; 2004, с. 55–83; Овчинникова, 1990; Горбунов, 2003, 2006; Кубарев Г.В., 2005, с. 26–137; и др.]. Выводы исследователей учитывались в ходе нашего анализа. Вместе с тем получение новых материалов вполне закономерно обозначило некоторую корректировку представлений о хронологии появления и бытования отдельных групп изделий. Сопроводительный инвентарь из погребальных и «поминальных» памятников кызыл-ташского этапа тюркской

культуры представлен следующими категориями вещей: снаряжение верховой лошади, снаряжение человека, орудия труда и предметы быта, вооружение. Ниже представлена характеристика обозначенных находок с акцентом на решение вопросов хронологии предметного комплекса.

Снаряжение верховой лошади. Одними из распространенных категорий находок в комплексах кызыл-ташского этапа тюркской культуры Алтая являются предметы, относящиеся к конскому снаряжению. Данный показатель отражает не только большое значение лошади в жизни кочевников, но и демонстрирует ее важную роль в ритуальной практике кочевников раннего средневековья. В археологических памятниках 2-й половины V – 1-й половины VI в. широко зафиксированы *удила* из двух звеньев, каждое из которых заканчивается кольцом, предназначенным для формирования узды (рис. 1.-1–3). В этих кольцах нередко находят псалии и фиксируют дополнительные детали.

Удила с однокольчатыми окончаниями не являются узко датированными изделиями, так как они использовались кочевниками Алтае-Саянской горной страны и сопредельных регионов со 2-й половины I тыс. до н.э. и до VIII–IX вв. н.э. [Савинов, 1984, с. 134]. В связи с этим основным показателем для уточнения времени бытования конского снаряжения становится оформление *псалиев*, обнаруженных в комплекте с удилами. Исследователи уже отмечали, что наиболее архаичными псалиями из археологических комплексов Южной Сибири 2-й половины I тыс. н.э. являлись роговые (костяные) изделия [Гаврилова, 1965, рис. 16.-2; Овчинникова, 1990, с. 97]. В памятниках кызыл-ташского этапа зафиксировано несколько вариантов оформления подобных предметов. Первый представлен роговыми стержневыми (иногда с несколько загнутыми концами), двухдырчатыми псалиями (рис. 1.-4–7). В ряде случаев один конец изделия слегка заострен. Роговые двухдырчатые псалии появились и бытовали на Алтае и сопредельных территориях в скифо-сакский и «гунно-сарматский» периоды [Кляшторный, Савинов, 2005, рис. 2.-7; 3.-11]. Такие находки обнаружены в памятниках претюркского времени. Они зафиксированы в археологических объектах 2-й половины IV – 1-й половины V в. (см., например: [Соенов, 1998, рис. 1.-9]), ныне относящихся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Тишкин, 2007, с. 179]. Подобные изделия продолжали использоваться и во 2-й половине VI – 1-й половине VII в., о чем свидетельствуют предметы из исследованных погребальных и «поминальных» комплексов [Киселев, 1929, табл. V.-13; Гаврилова, 1965, табл. VII.-1, XX.-36; Суразаков, 1982, рис. 2.-7; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 17.-9; Худяков, 1999, рис. 2.-2]. В памятниках катандинского этапа развития тюркской общности они уже не встречаются, так как в то время использовались роговые псалии с железными скобами [Гаврилова, 1965, рис. 8.-10; Грач, 1960б, рис. 95; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9.-7; и др.].

Другой вариант роговых псалиев, обнаруженных в памятниках кызыл-ташского этапа, представлен находками с одним ровным и другим резко заостренным концом (рис. 1.-8–9). Исследователи обозначают подобные изделия как «карандашевидные» [Овчинникова, 1990, с. 97] или «клыковидные» [Кубарев Г.В., 2005, с. 120]. По всей видимости, у всех таких псалиев были проделаны по два отверстия, которые не всегда сохраняются из-за того, что заостренный конец находок обламывался [Кубарев Г.В., 2005, с. 121]. Роговые псалии рассматриваемой формы, судя по имеющимся материалам, появились на кызыл-ташском этапе и продолжали существовать вплоть до середины VIII в. [Могильников, 1983, рис. 19.-3; Грач, 1960а, рис. 38; Кубарев Г.В., 2005, табл. 60.-1, 3; 102.-1, 3; 106.-4–5; и др.].

Вторая группа псалиев из комплексов Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. представлена крупными железными кольчатыми витыми (ложновитыми) изделиями (рис. 1.-10–12). Во всех случаях на удилах с такими псалиями имелись восьмерковидные гладкие или витые петли. Похожие петли зафиксированы на удилах из памятников Алтая 2-й половины IV – 1-й половины V в. [Соенов, Эбель, 1992, рис. 33.-5; Соенов, 1998, рис. 1.-9; 2000, рис. 7.-8; 10.-6; Тишкин, Горбунов, 2003а, с. 491]. Большие кольча-

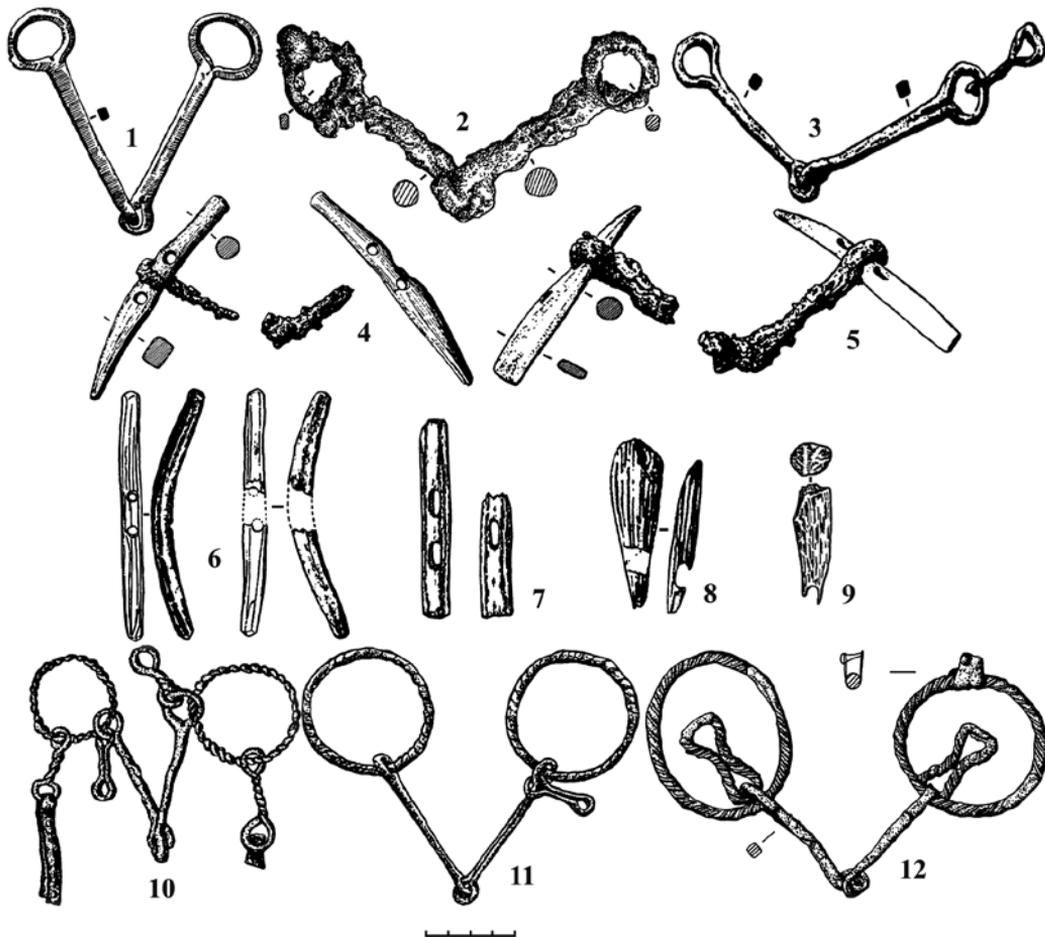

Рис. 1. Удила и псалии из памятников кызыл-ташского этапа:

1 – Кудыргэ, оградка №XV (по: [Гаврилова, 1965, табл. V.-4]); 2 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 28.-1]); 3–5 – Кара-Коба-I, оградки №86 и 88-2, курган №90 (по: [Могильников, 1994, рис. 14.-1; 19; 25]); 6 – Тыткескень-6, курган №5 (по: [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 4.-23]); 7 – Узунтал-I, курган №1 (по: [Савинов, 1982, рис. 3.-2]); 8 – Кара-Коба-I, оградка №84 (по: [Могильников, 1994, рис. 9.-3]); 9 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 5.-6]); 10 – Кудыргэ, оградка №102 (по: [Илюшин, 2000, рис. II.-5]); 11 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14]); 12 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-1]) (1–3, 10–12 – железо; 6–9 – кость, рог; 4, 5 – железо, кость, рог)

тые псалии обнаружены в погребениях [Сорокин, 1969, рис. 23.-1], ныне относящихся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской общности. Такие же, но витые (ложновитые) изделия известны в материалах кокзельской культуры Тувы [Вайнштейн, 1970, рис. 51.-8–9]. Судя по имеющимся материалам, наиболее архаичные для раннего средневековья кольчатые витые псалии обнаружены в «поминальной» оградке комплекса Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. II.-5] (рис. 1.-10), которая, по нашему мнению, сооружена на кызыл-ташском этапе. Несколько более поздним временем, но также в рамках 2-й половины V – 1-й половины VI в., датируются находки ложновитых кольчатых псалиев из памятников Кок-Паш [Илюшин, 1990, рис. 1.-5; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14] (рис. 1.-11) и Боротал [Кубарев В.Д., 1985, рис. 5.-2; Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-1] (рис. 1.-12). Подобные находки бытовали вплоть до середины VII в. [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 24; Могильников, 1990, рис. 5.-1; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI.-24–25; Худяков, Цэвендорж, 1999, рис. 5.-10; Худяков, 2003, рис. 5]. Отметим, что в памятниках катандинского этапа тюркской культуры они уже не встречаются.

Основным новационным элементом в материальной культуре населения Южной Сибири в середине I тыс. н.э. стало появление металлических *стремян*. Их использование серьезным образом повлияло на развитие военного дела, увеличив возможности конного боя [Вайнштейн, 1966, с. 74; 1991, с. 220–226; Кирпичников, 1973, с. 43; и мн. др.]. В настоящее время вполне определенно рассматривается распространение металлических стремян с IV в., и связывается этот процесс с военно-политической доминантой державы Сяньби [Комиссаров, Худяков, 2005, с. 264–266; Комиссаров, 2006, с. 20–21]. На территории Алтая ранние находки пока фиксируются только в памятниках кызыл-ташского этапа тюркской культуры*.

Первая группа рассматриваемых изделий представлена железными плоскими стременами с «Г-образной» подножкой (рис. 2.-1–6). Такие предметы датируются большинством исследователей 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. [Грач, 1982, с. 163; Могильников, 1994, с. 111; Шульга, Горбунов, 1998, с. 101; Гричан, Плотников, 1999, с. 77]. Все подобные находки из комплексов тюркской культуры, за единственным исключением [Грач, 1982, рис. 2.-6–7], обнаружены на территории Алтая и происходят из «поминальных» оградок, сооруженных кочевниками рассматриваемой общности. Верхнюю хронологическую границу существования плоских стремян с «Г-образной» подножкой демонстрируют находки из погребения кургана №7 могильника Кудыргэ, относящегося ко 2-й половине VI в. [Гаврилова, 1965, табл. XIV.-7]. В памятниках Алтая 1-й половины VII в. подобные экземпляры уже не фиксируются.

Ко 2-й половине V – 1-й половине VI вв. также относятся пластинчатые стремена из «поминальных» оградок памятников Кок-Паш [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-9] (рис. 2.-7) и Кара-Коба-I [Могильников, 1994, рис. 7.-1] (рис. 2.-8). Об этом свидетельствуют сочетания ранних признаков изделий (узкая прямая плоская подножка, высокая узкая «шейка» и высокая вертикальная пластина) [Васютин А.С., 1994, с. 61; Неверов, 1998, с. 148], а также то, что обозначенные находки обнаружены в рамках одного археологического комплекса с рассмотренными выше плоскими стременами с «Г-образной» подножкой.

* Известны также вотивные пластинчатые стремена раннего типа из памятников таштыкской культуры Среднего Енисея [Тетерин, 2007, рис. 19.-9]. Миниатюрные изделия с петельчатым ушком из склепов Минусинской котловины относятся к более позднему времени и являются копиями предметов, датирующихся не ранее 2-й половины VI – 1-й половины VII в. [Савинов, 2005, с. 133; Азбелев, 2008, с. 67].

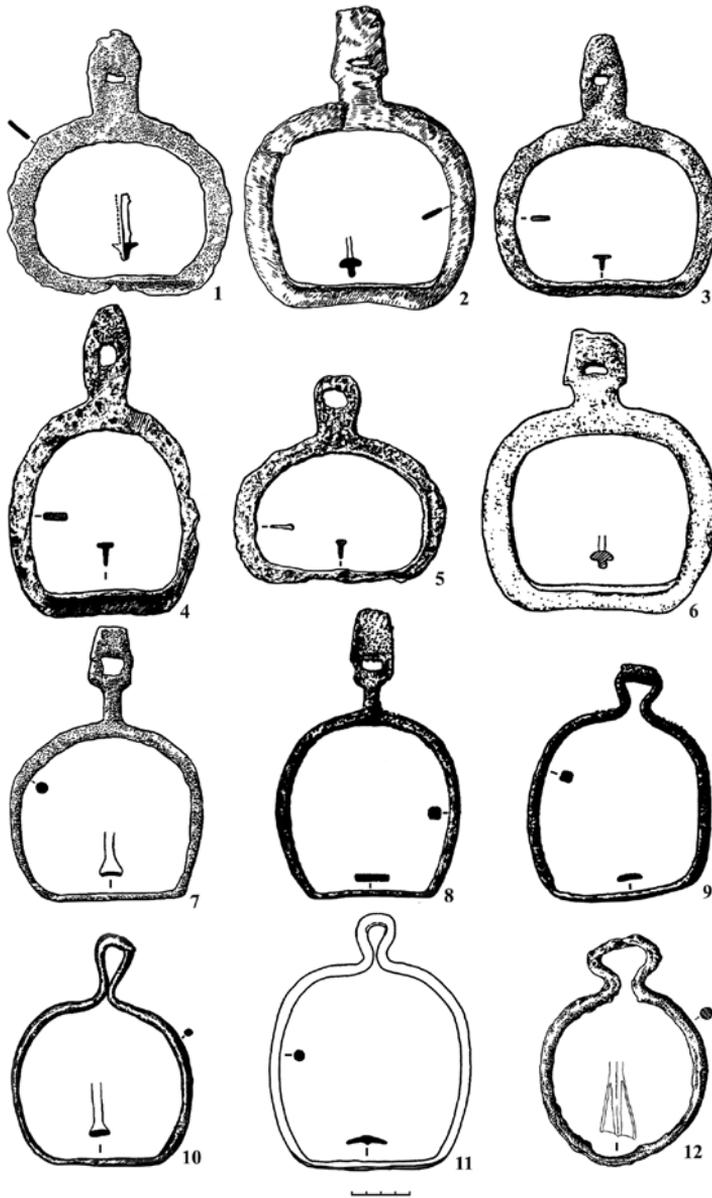

Рис. 2. Стремена из памятников кызыл-ташского этапа:

- 1 – Кок-Паш, оградка А-2 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-8]);
2 – Усть-Карасу, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-7]);
3–5 – Кара-Коба-I, оградки №86-I–III (по: [Могильников, 1994, рис. 13.-2; 14.-2; 13.-3]);
6 – Усть-Карасу, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-8]);
7 – Кок-Паш, оградка А-3 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-9]);
8–9 – Кара-Коба-I, оградки №76 и 69-A (по: [Могильников, 1994, рис. 7.-1; рис. 2.-1]);
10 – Усть-Карасу, оградка А-2 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-11]);
11 – Кызыл-Таш, оградка №1 (по: [Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3]); 12 – Тыгкескенъ-6, курган №5 (по: [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 4.-7]) (1–12 – железо)

Вторая группа стремян из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры Алтая представлена изделиями с петельчатым ушком (рис. 2.-9–12). До настоящего времени наиболее распространенной точкой зрения являлось определение периода появления подобных находок рамками VI–VII вв. В свое время эту идею высказал С.И. Вайнштейн [1966, с. 66]. По его мнению, стремяна впервые начали использоваться алтайскими тюрками, что подтверждалось находками на могильнике Кудыргэ. В таблице, составленной А.К. Амброзом [1973, рис. 2.-19, 42], наиболее ранние петельчатые стремяна датированы VII в. К этому же времени появление подобных предметов относят и китайские специалисты [Комиссаров, Худяков, 2005, табл. 1.-31]. В обозначенных работах в качестве основного примера ранних петельчатых стремян выступают изделия из некрополя Кудыргэ, исследованного на Алтае. Рассмотрение материалов, накопленных к концу 1980-х гг., позволило С.П. Нестерову [1988, с. 177–178] сделать важный вывод о том, что стремяна с петельчатым ушком впервые стали использоваться на территории Южной Сибири и произошло это, по его мнению, не ранее VI в. Д.Г. Савинов [1996, с. 20] предположил, что петельчатые стремяна появились под влиянием изделий с высоким пластинчатым ушком восточноазиатского происхождения в V–VI вв. В качестве примера стремян этого времени он привел предметы из Минусинской котловины – изделие из памятника Усть-Тесь и случайную находку [Савинов, 1996, рис. 1.-2–3]. Общую характеристику ранних форм петельчатых стремян отразил в ряде работ А.С. Васютин [1994, с. 59; 2003, с. 59], датировав подобные находки «кудыргинским» временем (VI–VII вв.). Примером наиболее раннего петельчатого стремени исследователь посчитал находку из памятника Усть-Карасу [Васютин А.С., 1994, рис. 1.-12; 3.-15; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 57.-12; 58.-8]. Это же стремя, но почему-то обозначенное как предмет из комплекса Кок-Паш, П.П. Азбелев [2008, с. 61, рис. 2.-8] отнес к наиболее ранним изделиям с петельчатым ушком. По его мнению, раннесредневековые материалы обозначенного памятника следует датировать 1-й половиной VII в.

Анализ материалов раскопок на территории Алтае-Саянской горной страны и сопредельных регионов, введенных в оборот в течение двух последних десятилетий, позволяет уточнить обозначенные выше точки зрения. Представляется возможным утверждать, что наиболее ранние из петельчатых стремян датируются концом V – 1-й половиной VI вв. н.э. Рассматриваемые находки этого времени имеют ряд характерных признаков, сочетание которых позволяет осуществить их довольно точную атрибуцию. Одним из важных показателей является оформление ушка изделия. Петля у стремян – вертикально-вытянутая либо чуть приплюснутая и несомкнутая в основании. Подножка ранних находок – прямая, узкая и плоская [Васютин А.С., 1994, с. 53; Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, с. 166; Неверов, 1998, с. 146; Азбелев, 2008, с. 61]. Кроме того, проем, образуемый дужками у таких стремян, в ряде случаев имеет несколько вытянутые очертания. Подобные находки обнаружены при исследовании памятников Кара-Коба-I [Могильников, 1994, рис. 2.-1] (рис. 2.-9) и Усть-Карасу [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-11] (рис. 2.-10), расположенных в Центральном Алтае. К 1-й половине – середине VI в. относятся стремяна из «поминальной» оградки Кызыл-Таш [Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3] (рис. 2.-11) и кургана №10 могильника Тьткескен-VI [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 4.-7] (рис. 2.-12). В первом случае фиксируется появление такого конструктивного

элемента, как ребро жесткости (нервюра) при сохранении небольшого проема петли, вытянутого контура изделия и прямой узкой подножки; во втором отмечается изгиб подножки и расширение петли. Обозначенные показатели получают дальнейшее развитие в форме стремян уже во 2-й половине VI – 1-й половине VII в.*

Характерной особенностью памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры является то, что в погребениях и «поминальных» оградках встречено по одному стремени [Горбунов, Тишкин, 2002б, с. 45; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 23, с. 144]. На последующих этапах развития рассматриваемой общности на территории Алтая подобные случаи редки. Помещение только одного стремени, по мнению В.А. Могильникова [1994, с. 109], может объясняться реализацией ритуальных действий, связанных с порчей вещей перед помещением их в захоронение. На наш взгляд, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах тюркской культуры обусловлена сохранением практики использования одного стремени в качестве подножки, что отражает особенности первоначального использования данной категории изделий в качестве приспособления для посадки на лошадь. Таким образом, наличие только одного стремени в погребении или «поминальной» оградке является характерным признаком памятников раннего кызыл-ташского этапа тюркской культуры.

Украшения конского снаряжения в памятниках рассматриваемого периода зафиксированы только однажды. К ним относятся круглые бляхи-накладки «с умбоном» из «поминальной» оградки памятника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. II.-4] (рис. 3.-1). Точные аналогии таким изделиям в комплексах тюркской культуры нам пока не известны. Подобная находка имеется в материалах памятника Кок-Паш [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 13.-27; 56.-1–3], относящегося к позднему этапу булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161].

Другой группой предметов для снаряжения лошади, встреченной в объектах кызыл-ташского этапа тюркской культуры, являются **подпружные пряжки**. Подобные изделия с подвижным язычком из рога (кости) использовались на протяжении длительного промежутка времени. Имеющиеся наблюдения об эволюции признаков рассматриваемой группы находок [Савинов, 1984, с. 137; Неверов, 1985, с. 200–202; Овчинникова, 1990, с. 117–119] не всегда находят подтверждение на конкретном археологическом материале [Кубарев Г.В., 2005, с. 135]. Экземпляры из памятников кызыл-ташского этапа (рис. 3.-2–5) имеют близкие аналогии в поздних булан-кобинских комплексах [Тишкин, Матренин, 2010, рис. 1.-4, 6; 2.-6–9], и по деталям оформления они могут быть датированы в рамках V–VII вв. [Неверов, 1985, с. 200–202]. Также весьма широкой является хронология железных подпружных пряжек. Находки, аналогичные большинству подобных изделий из комплексов Алтая кызыл-ташского этапа (рис. 3.-6–19), использовались населением тюркской культуры с VI по XI в. [Овчинникова, 1990, с. 120–121, рис. 49.-1–18]. Необычную форму имеет «восьмеркообразная» пряжка из «поминальной» оградки памятника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. V.-5] (рис. 3.-20). Изделия с вогнутыми сторонами рамки встречены в отдельных объектах тюркской культуры 2-й половины VI – 1-й половины VII в. [Илюшин,

* К середине VI в. относятся также петельчатые стремяна, обнаруженные на территории Минусинской котловины [Тишкин, Ожередов, Серегин, 2009, рис. 1.-1–2; Серегин, 2009б, рис. 1–2]. Рассматриваемые экземпляры сочетают как наиболее ранние признаки (прямая плоская и узкая подножка, несомкнутое ушко), так и позже появившуюся округлость дужек и приплюснутость ушка-петли.

1995, рис. 1.-4; Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 5.-9]. Еще более редкими находками для памятников раннего средневековья являются подпружные пряжки с длинным пластинчатым щитком-зажимом и округлой или вытянутой рамкой (рис. 3.-21–23). Изделия, схожие по ряду показателей (система крепления, форма, длина щитка), встречены в серии погребений [Сорокин, 1977, рис. 6.-6–7; Соенов, 2000, рис. 10.-7; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 7.-27, 16.-24, 17.-27; Тишкин, Горбунов, 2003а, с. 491], которые относятся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161]. В памятниках же тюркской общности подобные находки единичны [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VIII.-5; Худяков, Борисенко, 1997, рис. 2.-4].

К снаряжению лошади также принадлежат своеобразные роговые пряжки, обычно обозначаемые как **блоки для чумбура** [Овчинникова, 1990, с. 123]. Они использовались, судя по всему, для фиксации и регулировки различных ремней. «Блоки для чумбура» с четким оформлением щитка, рамки и наконечника (рис. 3.-24–27) характерны для раннего средневековья и не встречены в памятниках предшествующих хронологических периодов, хотя, очевидно, имеют прототипы в изделиях раннего железного века [Кубарев Г.В., 2005, с. 137]. Распространение роговых **застежек для пуг** (цурок) трапециевидной формы в памятниках Алтая и сопредельных территорий также относится к середине I тыс. н.э. (рис. 3.-28–31). Следует отметить, что подобные изделия найдены в комплексах булан-кобинской культуры, но они отличаются от раннесредневековых экземпляров разомкнутым верхним краем над выемкой для ремня [Тишкин, Горбунов, 2003а, с. 491; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 144]. Рассмотренные элементы снаряжения («блоки для чумбура» и застежки от пуг) представляют собой достаточно четкие показатели археологических комплексов раннего средневековья.

Снаряжение человека. Редкой группой предметов из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры Алтая являются элементы **поясной гарнитуры**. Бронзовая пряжка из оградки №104 памятника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. V.-7] (рис. 4.-1) с округлой рамкой, неподвижным шпеньком и прямоугольным плоским щитком, с обеих сторон которого нанесены поперечные «насечки», относится к изделиям, обычно обозначаемым как «типично таштыкские» [Кызласов, 1960, с. 36]. Подобные находки широко зафиксированы в склепах Минусинской котловины [Кызласов, 1960, рис. 7.-4, 7–8; Грязнов, 1979, рис. 71.-5; Вадецкая, 1999, табл. 9.-1; 137.-4; Митько, 2007, рис. 22.-5; Тетерин, 2007, рис. 19.-6]. Их датировка, согласно современным представлениям, определяется в рамках V–VI вв. [Вадецкая, 1999, с. 122–123]. В указанной «поминальной» оградке памятника Кудыргэ обнаружена бронзовая пряжка весьма редкой формы: ее щиток дополнен двумя поперечно расположенными рамками [Илюшин, 2000, рис. V.-10] (рис. 4.-2). Точная аналогия данной находке зафиксирована в одном из таштыкских склепов могильника Маркелов Мыс-I, датированном V–VI вв. [Тетерин, 2007, рис. 19.-7]. Бронзовые бляхи с рамкой В-образной формы, подобные экземплярам из оградок памятников Кара-Коба-I [Могильников, 1992, рис. 14.-1] (рис. 4.-3) и Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. III.-1] (рис. 4.-4), были распространены на обширных территориях в V – начале VII в. [Генинг, 1979, табл. 1; Азбелев, 1993, с. 92; Вадецкая, 1999, табл. 90]. Такие изделия обнаружены и в отдельных комплексах тюркской культуры Алтая, относящихся ко 2-й половине VI – VII в. [Овчинникова, 1990, с. 25, рис. 21.-18–19; Могильников, 1997, рис. 4.-11].

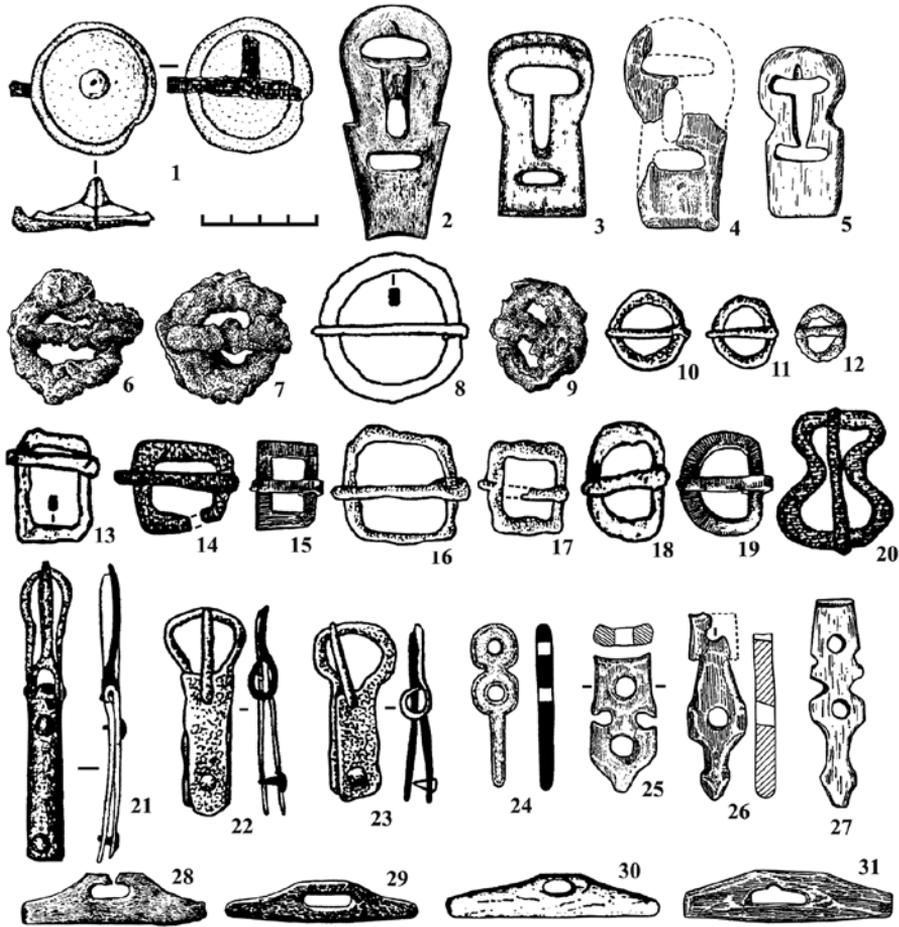

Рис. 3. Предметы конского снаряжения из памятников кызыл-ташского этапа:

- 1 – Кудыргэ, оградка №102 (по: [Илюшин, 2000, рис. II.-4]); 2 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 27.-3]); 3 – Узунтал-I, курган №1 (по: [Савинов, 1982, рис. 3.-1]); 4 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 5.-7]); 5 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-2]); 6–7 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 27.-1–2]); 8 – Кызыл-Таш, оградка №1 (по: [Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-1]); 9 – Усть-Бийке-III, курган №6 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 31.-9]); 10–11 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-19, 17]); 12 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-14]); 13 – Кара-Коба-I, оградка №86-IV (по: [Могильников, 1994, рис. 15.-3]); 14 – Кудыргэ, оградка №104 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-4]); 15 – Кудыргэ, оградка №XV (по: [Гаврилова, 1965, табл. V.-5]); 16–17 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-5–6]); 18 – Кара-Коба-I, оградка №81-II (по: [Могильников, 1994, рис. 9.-2]); 19 – Кудыргэ, оградка №XV (по: [Гаврилова, 1965, табл. V.-6]); 20–21 – Кудыргэ, оградки №104 и 102 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-5; II.-1]); 22–23 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-18, 16]); 24 – Ороктой, курган №1 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5]); 25–26 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 5.-12–13]); 27 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-12]); 28 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 28.-5]); 29 – Тьгкескенъ-6, курган №5 (по: [Кирушин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, рис. 4.-6]); 30 – Кара-Коба-I, курган №90 (по: [Могильников, 1994, рис. 25.-2]); 31 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 5.-8])
(1 – бронза; 2–5, 24–31 – рог, кость; 6–23 – железо)

Украшениями *стрелкового пояса* являлись бронзовые бляхи-накладки, обнаруженные в кургане №5 могильника Усть-Бийке-III [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 24.-3–7] (рис. 4.-5). Они имеют прямоугольную форму и по одному шпеньку в центре для крепления к ремню.

Обнаруженные *колчанные крюки* с поперечной планкой, подобные находкам из «поминальных» оградок памятника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. II.-6; V.-9] (рис. 4.-6–7), характерны для комплексов Южной Сибири сяньбийско-жужанского периода [Грач, 1966, рис. 30.-1; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 10.-27, 32; 15.-16; 16.-41; Тишкин, Горбунов, 2003а, с. 491]. Другим элементом стрелкового пояса, не фиксируемым ранее, являются бронзовые крюки-застежки, Г-образный стержень которых заканчивается шаровидным навершием [Кубарев В.Д., 1985, рис. 10.-3; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 24.-3; Кубарев Г.В., табл. 111.-11] (рис. 4.-8–9). Такие изделия обнаружены в памятниках тюркской культуры Алтая, Тувы и Тянь-Шаня, относящихся ко 2-й половине VI – 1-й половине VIII в. [Гаврилова, 1965, табл. XIX.-6; Овчинникова, 1990, рис. 14; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 21.-5]. Колчаный крюк из погребения могильника Яконур [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 4.-6] (рис. 4.-10) также имеет аналогии в материалах раскопок некрополей рассматриваемой общности более позднего времени [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 3.-15].

Орудия труда и предметы быта. Универсальными орудиями труда являлись железные черешковые *ножи* (рис. 4.-11–16). Подобные изделия обычно маловыразительны в плане хронологии. Экземпляры, обнаруженные в памятниках кызыл-ташского этапа, бытовали в среде кочевников Южной Сибири на протяжении всей 2-й половины I тыс. н.э. [Овчинникова, 1990, с. 56]. Исключение представляет нож серповидной формы [Гаврилова, 1965, табл. V.-1] (рис. 4.-16), не характерный для раннего средневековья и имеющий аналогии в комплексах жужанского времени [Грач, 1966, рис. 29.-2; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-19]. Костяные *наконечники стрел*, зафиксированные в памятниках кызыл-ташского этапа, по характеру насада делятся на втульчатые (рис. 4.-17–19) и с раздвоенным насадом (рис. 4.-20, 21). Подобные изделия встречены в комплексах булан-кобинской культуры Алтая, относящихся ко II–V вв. н.э. [Худяков, 1986, с. 150, рис. 58.-7, 13–14; Тетерин, 2004, рис. 7.-8, 15, 18], и выглядят архаичными в памятниках раннесредневековых тюрок 2-й половины VI – середины VII в. [Гаврилова, 1965, табл. XXI.-5; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. IX.-11–12; Кубарев Г.В., 2005, табл. 4.-8].

Вооружение. Предметы вооружения, обнаруженные в археологических объектах Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в., подробно изучены В.В. Горбуновым [2003, 2006]. Исследователь отметил, что комплекс наступательного и оборонительного вооружения тюрок сформировался на основе традиций, характерных для населения булан-кобинской культуры и при участии сяньбийского импульса [Горбунов, 2003, с. 91; 2006, с. 91]. Важной тенденцией, фиксирующейся на материалах середины I тыс. н.э., является «доживание» на Алтае прежних форм рассматриваемой категории изделий. Обозначим некоторые наиболее яркие примеры архаичных предметов вооружения, встреченных в памятниках тюркской культуры Алтая кызыл-ташского этапа. Мечи с навершием в виде кольца или несомкнутого крюка, подобные находке из «поминальной» оградки памятника Кызыл-Таш [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-1] (рис. 5.-10), получили распространение в археологических комплексах Южной Сиби-

ри II–V вв. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. VIII.-5; Худяков, 1986, рис. 40.-2–3; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 15.-21; Горбунов, 2006, с. 64, рис. 48.-2–3]. В обозначенном сооружении встречена также миниатюрная модель копья [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-2] (рис. 5.-11). Помещение votивных изделий в погребальные и «поминальные» объекты является нетипичной чертой ритуала для населения Алтае-Саянской горной страны раннего средневековья. Данный показатель зафиксирован в обрядовой практике кочевников региона в хуннуско-сяньбийско-жужанское время

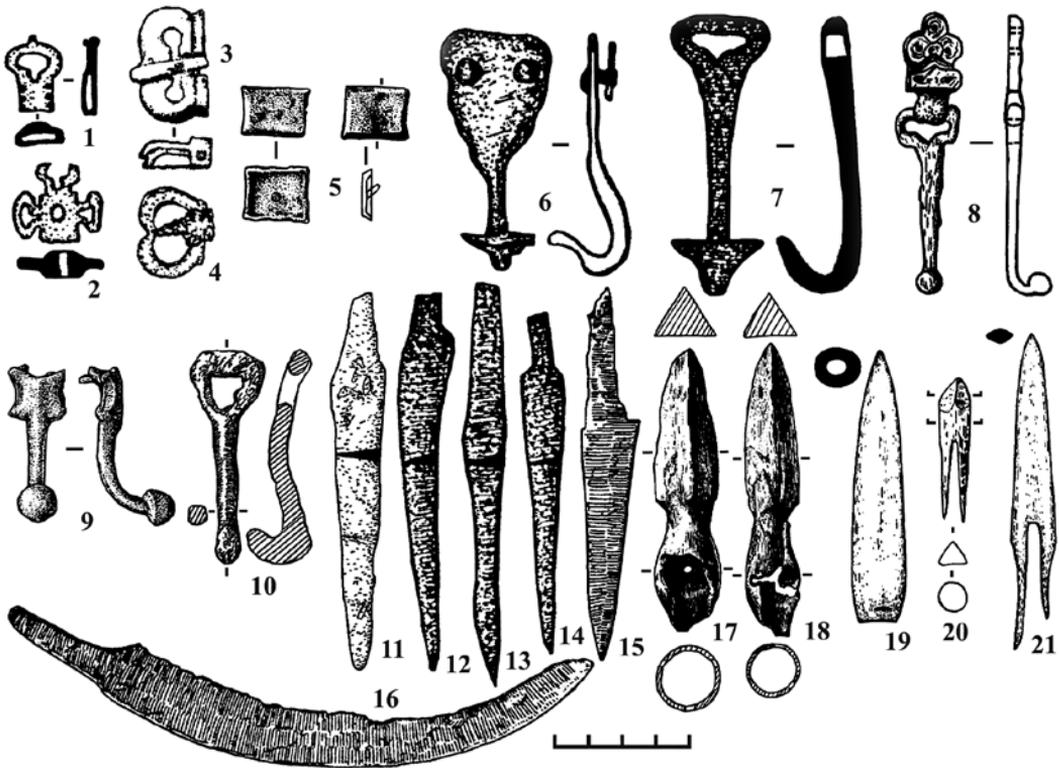

Рис. 4. Поясная гарнитура, предметы быта и орудия труда из памятников кызыл-ташского этапа: 1–2 – Кудыргэ, оградка №104 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-7]); 3 – Кара-Коба-I, оградка №109 (по: [Могильников, 1992, рис. 14.-1]); 4 – Кудыргэ, оградка №103 (по: [Илюшин, 2000, рис. III.-1]); 5 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 24.-3, 4]); 6 – Кудыргэ, оградка №102 (по: [Илюшин, 2000, рис. II.-6]); 7 – Кудыргэ, оградка №104 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-9]); 8 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-11]); 9 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 24.-2]); 10 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 4.-6]); 11 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 111.-15]); 12–14 – Кудыргэ, оградка №104 (по: [Илюшин, 2000, рис. V.-12–14]); 15–16 – Кудыргэ, оградки №XII и XIV (по: [Гаврилова, 1965, табл. IV.-9; V.-3]); 17–18 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-6–7]); 19 – Ороктой, курган №1 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5]); 20 – Булан-Кобы-IV, оградка №6 (по: [Мамадаков, 1994, рис. 2.-12]); 21 – Ороктой, курган №1 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5]) (1–3, 5, 8, 9 – бронза; 4 – бронза, железо; 6, 7, 10–16 – железо; 17–21 – рог, кость)

(кокзельская и таштыкская культуры). Наиболее массовое использование железных «ярусных» наконечников стрел – также характерный показатель материальной культуры кочевников обозначенного хронологического периода [Худяков, 1986, рис. 26, 36.-7–21], в том числе номадов Алтая [Тетерин, 2004, рис. 4.-1–4; Горбунов, 2006, с. 38]. В памятниках тюркской культуры 2-й половины I тыс. н.э. подобные изделия не получили распространения [Худяков, 1986, рис. 64; Овчинникова, 1990, рис. 12; Горбунов, 2006, рис. 26–28]. Вероятно, обнаружение архаичного «ярусного» наконечника стрелы в погребении кызыл-ташского этапа на памятнике Яконур [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 2.-3] (рис. 5.-1) определенным образом отражает преемственность традиций в военном деле населения Алтая предшествующего времени и раннего средневековья. Многочисленные аналогии в погребениях позднего этапа булан-кобинской культуры [Неверов, Степанова, 1990, рис. 1.-3, 5; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 8.-11, 18.-2; Тетерин, 2004, рис. 4.-14, 15.-11; и др.] имеют небольшие по размеру асимметрично-ромбические наконечники стрел, встреченные в «поминальной» оградке памятника Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1994, рис. 2.-11] (рис. 5.-2).

Характерным показателем археологических комплексов кочевников булан-кобинской культуры является обнаружение боевых ножей с череном, наклоненным в сторону лезвия [Мамадаков, 1985, рис. 4.-10; 7.-1; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 134, рис. 21.-13; Горбунов, 2006, рис. 63.-2, 3, 5; и др.]. В памятниках тюркской культуры подобный предмет вооружения встречен только однажды – в ходе раскопок погребения кызыл-ташского этапа на могильнике Яконур [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 4.-1] (рис. 5.-9). Весьма редки боевые ножи обозначенной формы и в раннесредневековых комплексах Южной Сибири в целом [Евтюхова, 1948, рис. 30; Худяков, 2003, рис. 6.-1]. По мнению Г.В. Кубарева [2008, с. 69–72], осуществившего анализ изображений «коленчатых» кинжалов на каменных изваяниях, подобные предметы могут быть хронологическими маркерами археологических памятников VI–VII вв. н.э.

Новации в военной сфере, произошедшие в середине I тыс. н.э. и связанные со становлением и развитием на Алтае тюркской культуры, также получили отражение в формах предметов вооружения. Важной тенденцией считается появление в памятниках кызыл-ташского этапа более коротких, по сравнению с предшествующим временем, роговых накладок на лук [Горбунов, 2006, с. 15, 17–18] (рис. 5.-14–16). Во 2-й половине V – 1-й половине VI в. фиксируется укрупнение размеров наконечников стрел, а также распространение их новых форм: четырехугольных, шестиугольных и арочных, с геометрической формой пера [Горбунов, 2006, с. 39–40] (рис. 5.-3–8). Особенностью археологических комплексов кызыл-ташского этапа тюркской культуры Алтая является сравнительно частое, по сравнению с более поздними объектами данной общности, обнаружение фрагментов доспеха [Гаврилова, 1965, табл. V.-1; Илюшин, 1990, рис. 1.-8; Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-5–12; 1997, рис. III.-1; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-20] (рис. 5.-12–13). Интересно, что все подобные находки зафиксированы в ходе раскопок памятников, не связанных напрямую с «классическими» погребениями, – в «поминальных» оградках и «ритуальном» кургане. В дальнейшем отмеченная традиция получила своего рода продолжение. Панцирные пластины только однажды встречены в захоронении тюркской культуры [Кубарев Г.В., 2002], а во всех остальных случаях подобные находки сделаны в ходе раскопок кенотафов и «поминальных» оградок [Серегин, 2008, с. 148].

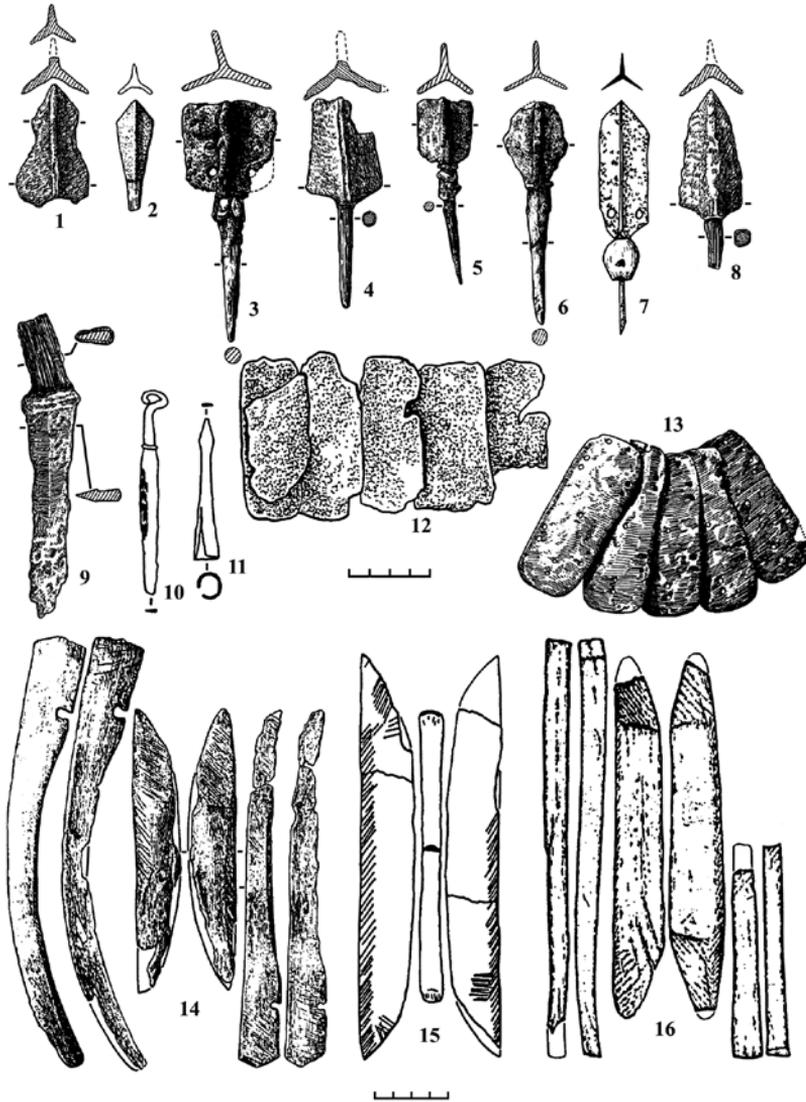

Рис. 5. Предметы вооружения из памятников кызыл-ташского этапа: 1 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 2.-3]); 2 – Булан-Кобы-IV, оградка №6 (по: [Мамадаков, 1994, рис. 2.-11]); 3 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-1]); 4 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003б, рис. 2.-1]); 5 – Усть-Бийке-III, курган №6 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 31.-4]); 6 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 25.-3]); 7 – Боротал-I, курган №82 (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 121.-1]); 8-9 – Яконур, курган №5, впускная могила (по: [Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 2.-2; 4.-1]); 10-11 – Кызыл-Таш, оградка №2 (по: [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-1-2]); 12 – Кок-Паш, курган №1 (по: [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-20]); 13 – Кудыргэ, оградка №XIII (по: [Гаврилова, 1965, табл. V.-1]); 14 – Усть-Бийке-III, курган №5 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 26]); 15 – Кызыл-Таш, оградка №1 (по: [Соенов, Эбель, 1996, рис. 2]); 16 – Узунтал-I, курган №1 (по: [Савинов, 1982, рис. 3.-3]) (1-13 – железо; 14-16 – рог, кость)

Рассматривая в целом предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры, следует обратить внимание на его гораздо меньшее разнообразие, по сравнению с материалами рассматриваемой общности более позднего времени. В погребениях и «поминальных» оградках Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. почти полностью отсутствуют украшения, предметы торевтики, изделия из цветных и драгоценных металлов, импорт. Судя по всему, это является одним из отражений положения тюрков до создания Первого каганата в условиях определенной зависимости от Жужанской державы, ограниченности внешних контактов и др. Возможно, что данное заключение сформировалось из-за небольшого количества раскопанных объектов и дальнейшие исследования позволят скорректировать его.

Вместе с тем набор предметов из памятников Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. достаточно выразителен для определения хронологии комплексов. В составе инвентаря из погребений и «поминальных» оградок кызыл-ташского этапа тюркской культуры представляется возможным выделить две основные группы вещей. Первая отражает окончание традиций хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, представленным главным образом в материалах раскопок памятников булан-кобинской культуры и особенно объектов ее позднего (верх-уймонского) этапа (2-я половина IV – 1-я половина V в.) [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Тишкин, 2007, с. 179].

К *первой группе* предметов относятся роговые стержневые и изогнутые псалии, большие кольчатые витые (ложновитые) псалии, восьмерковидные гладкие и витые петли, застежки для пут, круглые бляхи-накладки «с умбоном», бронзовые пряжки со шпеньком и дополнительными поперечно расположенными рамками, колчаные крюки с поперечной планкой, костяные наконечники стрел с втульчатый или раздвоенным насадом, серповидный нож, «ярусные» наконечники стрел, меч с крюковым навершием, боевой нож с череном, наклоненным в сторону лезвия, а также votивные копии предметов вооружения. Большая часть обозначенных изделий уже практически не встречается в памятниках следующего кудыргинского этапа тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII в.).

Вторая группа предметов сопроводительного инвентаря демонстрирует приход на Алтай во 2-й половине V в. н.э. нового населения и совершенствование сложившейся материальной культуры. Отметим следующие изделия: пластинчатые стремена (петьчатые стремена, судя по имеющимся данным, могут являться «изобретением» ранних тюрков Алтая), «блоки для чумбура», прямоугольные бронзовые бляхи-накладки, бронзовые крюки-застежки с шаровидным навершием, более короткие накладки на лук и комплекты только из срединных накладок, наконечники стрел крупных пропорций с новыми формами пера. Перечисленные предметы не известны в памятниках Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Они получили дальнейшее развитие в кудыргинском и последующем этапах тюркской культуры.

Выделенные группы вещей в составе инвентаря из памятников кызыл-ташского этапа отражают участие в формировании тюркской культуры двух основных компонентов – местного, представленного комплексами булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, и пришлого, связанного с населением, более ранняя история которого не обеспечена пока археологическими материалами. Следует отметить, что изложенные наблюдения, которые основаны на изучении предметного комплекса, находят подтверждение при изучении особенностей погребального обряда

и характерных конструкций «поминальных» объектов Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Матренин, Сарафанов, 2006, с. 207, 210; Серегин, 2009а, с. 47–48; и др.].

Результаты анализа археологических материалов могут быть сопоставлены со сведениями письменной истории [Тишкин, 2007, с. 187–192]. Согласно информации, приведенной в китайских летописях, в 460 г. жужане (жуаньжуань) переселили на Алтай племя Ашина. Имеются основания для утверждения того, что это и было пришлое население, давшее толчок для формирования тюркской общности.

Библиографический список

Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник. 1999. Вып. 3. С. 89–93.

Азбелев П.П. Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 56–68.

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // Советская археология. 1973. №4. С. 81–98.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. №3. С. 60–81.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г.: (погребения кызылганской и сыын-чюрексской культур) // Труды ТКАЭЭ. Л.: Наука, 1970. Т. III. С. 7–79.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Труды ТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 185–291.

Васютин А.С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 55–68.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. 55 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002а. С. 174–180.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002б. С. 43–46.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 227–229.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды ТКАЭЭ: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. Т. I. С. 7–72.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды ТКАЭЭ: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. Т. I. С. 73–150.

- Грач А.Д. Исследования в Бай-Тайге // Труды ТКАЭЭ: материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 81–107.
- Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.
- Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 76–77.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 117–119.
- Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Б.и., 1995. Вып. V, ч. 1. С. 122–125.
- Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с. (САИ. ЕИ-36).
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.
- Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 1–162.
- Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 278–281.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.
- Комиссаров С.А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 4: Востоковедение. С. 20–23.
- Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 136–148.
- Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара: Б.и., 2008. С. 68–72.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 197 с.
- Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–191.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
- Митько О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс-II: материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по материалам склепа №8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 39–61.

- Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1983 гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 52–89.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 175–212.
- Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
- Могильников В.А. Курган №85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 187–234.
- Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.
- Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.
- Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 173–183.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 175 с.
- Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремён в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 16–20.
- Савинов Д.Г. Миниатюрные стрремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.
- Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.
- Серегин Н.Н. Булан-кобинская и тюркская культуры Горного Алтая: проблема преемственности // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография). Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. ун-та, 2009а. С. 46–50.
- Серегин Н.Н. Ранние стрремена из коллекции С.И. Руденко // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009б. Вып. 5. С. 172–177.
- Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.
- Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. 116 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. 1969. Т. X. С. 208–236.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 16. С. 57–67.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. гос. ун-т; Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 62–88.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003а. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. №10. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ роговых пряжек хуннского и жужанского времени из могильника Яломан-II (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2010. №4/2 (68/2). С. 220–228.

Тишкин А.А., Ожередов Ю.И., Серегин Н.Н. Коллекции С.И. Руденко в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 36–40.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.

Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. Вып. 1. С. 99–109.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 293 с.

Худяков Ю.С., Цэвдорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в Северо-Западной Монголии // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. С. 82–90.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 99–101.